

БЫТИЙНОЕ ВОПРОШАНИЕ КАК СПОСОБ САМОПОНИМАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

И.А. АПОЛЛОНОВ

*Кубанский государственный технологический университет,
350002, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2;
электронная почта: oblige@yandex.ru*

В статье рассматривается проблема осмысления человеком своей этнокультурной принадлежности. Целью статьи является рассмотрение общей структуры и особенностей смысловых векторов подобного самопонимания в контексте бытийного вопрошания: «что для меня значит быть представителем данной национальности?». Исследование проводилось в русле экзистенциально-герменевтической методологии. В результате исследования выявлены основные смысловые уровни этнокультурной идентичности. Поверхностный слой осмысленности составляют стереотипные представления о представителях своего народа. Более глубокий уровень составляет категориальная структура этнического самосознания, на которой основываются интуитивные представления о нормальности жизненного мира и его культурных образцах. Высшим смысловым уровнем этнокультурной идентичности является напряженный поиск ценностных оснований личностного бытия. Выход на этот уровень связан с бытийным вопрошанием, требующим от человека доопределения традиционных смыслов и ценностей, самосовершенствования и духовного роста. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что самопонимание выявляет бытийную основу идентичности: в особенностях этнической культуры открывается горизонт общечеловеческих ценностей, в пространстве которого обретается индивидуально-человеческая сущность личности.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность; самопонимание; бытийное вопрошание; категориальный уровень национального самосознания; апофатический холизм.

Имманентной чертой этнокультурной идентичности является её осознанность, при которой этнокультурный предикат встраивается в смысловую систему личностной самоидентичности. Такая осмысленность предполагает экзегезу этничности (что значит, к примеру, русскость или адыгство). При этом подобная экзегеза происходит в неразрывной связи с процедурами самопонимания человека, поиском ответов на вопрос: «Что для меня значит быть представителем моей национальности?» В этих ответах истолковывается суть принадлежности человека к народу, что, в свою очередь, связано с раскрытием смыслового потенциала нормативно-ценностных структур этнокультурной традиции, из которой вырастает субъектность человека. Вместе с тем, личностная значимость этнической принадлежности имплицитно содержит в себе проблему соотношения в человеке этнического и

собственно человеческого. В контексте данной проблемы этническая принадлежность предстаёт той личностной особенностью, которая представляет собой границу индивидуального бытия, с одной стороны, и, с другой стороны, родовой сущности человека. Поэтому герменевтическим аспектом этнокультурной идентичности является рассмотрение общей структуры и особенностей смысловых векторов подобного самопонимания.

Первое и главное смысловое проявление этнокультурной идентичности, ядро этнического самосознания человека – этноним. Этноним представляет собой языковую форму этнического предиката, который, как всякое название, есть сжатая в одно слово формула предметной действительности. Имя, по образному выражению П.А. Флоренского, есть остановка мысли на некой вершине, с которой предмет мысли становится полностью обозримым. Цельность имени, вбирающего в себя все возможное многообразие смыслов предметной действительности, требует вживания в именуемое, медитации над ним и в пределе – мистического постижения его. Поэтому понимание слова, как утверждает автор «У водоразделов мысли» есть деятельность внутреннего соприкосновения с предметом слова [7, с. 204-205]. Подобное соприкосновение всегда лично и уникально, а в случае этнонима – глубоко интимно, поскольку затрагивает бытийные основы самой личности, определяют горизонт жизненного мира человека. Причем подобные основы настолько глубокие, что в обыденной жизни они, как правило, не осознаются, но представляют собой интуитивный уровень понимания и самопонимания, который определяет присутствие человека в мире. Этот уровень предполагает как бытийное устройство личности и межличностных связей, так и их интуитивную понятливость, того, что определяет «есть» человека, его самобытность с одной стороны и ощущение самоочевидной нормальности течения жизни с другой стороны.

Вместе с тем, этноним, как и всякое имя, для своей осмысленности предполагает определения и описания своего предмета. Этнокультурная идентичность предстает здесь текстом, раскрывающим, в зависимости от

контекста, то или иное понимание традиционных пред-рассудков, занимающих значимое место в смысловых структурах личности. Тем самым формируется смысловое пространство этнического самосознания. Подобное формирование связано с рефлексией интуитивной самоочевидной цельности смыслового ядра имени, попыткой перевести эту синкретическую цельность пред-рассудка в дискурсивную целостность осмысленности, связанной с синтетическим единством отдельных частей и фрагментов [2, с. 205]. Д.А. Леонтьев рассматривает такую рефлексию как смыслоосознание: решение субъектом задачи на смысл, в результате которой происходит осознание и вербализация самоочевидных смысловых интуиций. При этом смысл переводится на новый качественный уровень: он становится ограничен определенными рамками, приобретает семантическую определенность и, соответственно, теряет изначальную пластичность, присущую дорефлексивной интуиции. В контексте самопонимания такое смыслоосознание имеет не только гносеологическую, но и онтологическую сторону, связанную с процессами смыслостроительства, то есть содержательной перестройкой жизненных отношений и субъектных структур личности [4, с. 259-270]. И такая перестройка задает вектор становления как самой личности, так и ее миропонимания. Соответственно, процедура самопонимания затрагивает саму субъектную суть человека, её онтологическую позицию, определяющую этнически окрашенное самостояние в мире.

Смыслоосознание, разворачивает сжатый в этнониме смысловой заряд в текст самопонимания личности в пространстве её этнического предиката. Это предполагает, если продолжать метафору текста, определенные разделы или главы. Данные «главы» представляет собой коммуникативное единство различных типических характеров: обобщенный образ и гендерные особенности типичного представителя народа, уровень обыденной понятности жизненного мира, а также идеальный конструкт образцовой личности.

Именно последний стереотип является смыслообразующей основой национальной идентичности. Он рассматривается как «человек культуры» –

идеальный, «желанный» человеческий тип, который, формируется национальной культурой и воспроизводится ею как безусловная, единственно приемлемая форма человеческого существования [8, с. 100]. Схожего мнения придерживается кавказовед Ю.Ю. Карпов, рассматривающий подобный человеческий тип как основную или базовую личность этнической традиции. Именно этот тип личности вбирает в себя комплекс нравственных ценностей народа, хранит и передает его следующему поколению, и поэтому в его руках находится судьба этноса. Таковы образы «истинного адыга», «сына народа», которые произведены и соотнесены с концептами «адыгство», «чеченство» и т. д. [3, с. 128]. Именно «человек культуры» рассматривается мерилем собственного «Я» и национальная идентичность, т. е. этническая самоидентичность личности, это момент совпадения, или же принципиальная возможность и желание совпадения образа себя с образом такой личности.

Вместе с тем, образ «человека культуры», как и всякое стереотипное представление, принципиально открытая структура, поскольку зачастую эклектично сочетает в себе разнородные черты. Даже в случае со стремлением к целостности и однозначности (отсылке к конкретным историческим или мифологическим образам и примерам) такие представления подчеркивают их наиболее значимые черты и поступки, в которых эти личности наиболее полно воплощали определенную идейную заданность («русскость», «адыгство» и т.д.). Подобная идейность, как и всякое ценностное образование, с одной стороны, интуитивно-самоочевидное, и в этом плане является основой всевозможных нормативных структур и оценочных суждений. С другой стороны, ее идейная заданность, по сути, превышает все возможные обусловленности конкретно-исторических форм бытия, и, тем самым, носит апофатический характер. И именно эта апофатичность представляет собой главную цель экзегезы, формирующей осмысленность этнической самоидентичности, что позволяет быть субъектом этнокультурной традиции, определяет его бытийную позицию здесь и сейчас, открывает

горизонт духовности, в котором человек может совершить по-настоящему свободный выбор собственного мироустройства [5, с. 98].

Таким образом, этнокультурная идентичность предполагает посредством освоения базовой культурной личности проникновение в идейное ядро культурной традиции. Такое проникновение неотделимо от поиска личностной значимости и оправдания существования культурной традиции, позволяющего увидеть в ней средоточие предельно истинного, правильного – того «нашего», что есть, или должно стать «своим», определяющим сущность человеческого в человеке. Самопонимание выявляет бытийную основу идентичности: в особенностях этнической культуры открывается горизонт общечеловеческих ценностей, в пространстве которого обретается индивидуально-человеческая сущность личности.

Соответственно, смысловое основание этнокультурной идентичности представляет собой не только совокупность данного (стереотипный образ типичного представителя этноса) и должного (образ идеального представителя этноса, средоточия культурных образцов), в смысловом сопряжении которых выстраивается этнически окрашенный образ Я, но и выход в сферу трансцендентного, мир предельных ценностей, определяющих смысловые основания жизни человека. Эта сфера не совпадает со стереотипными представлениями о «человеке культуры», а представляет собой скрытые механизмы, раскрывающие значимость подобных представлений. Они проявляются в линиях напряжения при соотнесении образов налично данной обыденности человеческих характеров и взаимоотношений, с одной стороны, и, с другой стороны, нормативно должного культурного образца в пространстве жизненных реалий человека. Именно в таком напряжении высвечивается притягательная и отталкивающая сторона человеческих качеств, поиск которых определяет осмысленность личностного становления. Эти предельные ценности позволяют человеку осмыслить себя как единую сущность, направленную из прошлого в будущее, из обусловленности настоящего к безусловным вершинам вневременного Абсолюта.

Таким образом, смысловая структура этнокультурной идентичности имеет сложную архитектуру и обладает многоплановой перспективой. Ее поверхностный уровень осмысленности представляет собой утрированно стереотипные представления о представителях своей национальности. Такие представления слабо артикулированы и, главным образом, имеют внешнее происхождение (поговорки, массмедиа, анекдоты, этноидеологемы и т.п.). Подобные представления высвечивают лишь отдельные, яркие характеристики и поэтому они эклектичны, противоречивы. Например, русские на данном уровне автостереотипа характеризуются как ленью (работа не волк, в лес не убежит), так и трудолюбием (терпение и труд всё перетрут; делу – время, потехе – час); адыги, как дружелюбием (кавказское гостеприимство, куначество), так и агрессивностью (мы – горячие джигиты, гордые и смелые). Соответственно, этот уровень не даёт связного и целостного национального образа, его смысловая направленность релятивная и носит контекстуальный характер.

Более глубокий слой этнического автостереотипа основывается на интуитивных представлениях о нормальности. В области нормальности сопрягаются представления об обыденном и образцовом этнических представителях, которые, в свою очередь включают представления о специфике гендерных ролей, межпоколенных различиях и взаимоотношениях. Подобные представления формируют категориальный уровень этнического самосознания, определяющий для человека данной культуры осмысление, оценку и переживание своего присутствия в мире [6, с. 9]. Вместе с тем, данный уровень нельзя сводить лишь к схемам, которые определяют восприятие мира и его понимание человеком. Интуитивный характер категорий этнического самосознания предполагает внутреннюю целостность концептуального «схватывания» разнородных и противоречивых смыслов, которая. Такая целостность апофатична и не может быть проговорена до конца. Именно этот слой является смысловым пространством для процедур самопонимания. В этом пространстве происходит определение личностной значимости

этнокультурного предиката, в контексте которого формируется личностная позиция человека как этнофора.

И, наконец, метафизическую высоту этнокультурная идентичность приобретает в ценностных интенциях, открывающих ценностные основания правильности нормального. Этот уровень за пределами представлений и обыденности, и об образцовости. Здесь происходит поиск идеала, открывающего предельные смыслы жизнедеятельности человека как Человека: «Быть человеком в любой национальности очень важно. А именно в моей – помогать людям в беде, любить своих родных, любить ближнего. Сохранять все важные события в моей нации, традиции, национальные танцы. В общем, наверное, любить всех людей» [1, с. 243]. В этом рассуждении адыгской девушки показательна экспликация сопряжения предельно национального и общечеловеческого в сути этнической принадлежности человека. Подобная общечеловеческая высота этнокультурного своеобразия становится целью личностного измерения в самопонимании этнофора.

Указанное выше смысловое соотношение этнокультурных особенностей и общечеловеческого горизонта можно рассмотреть в метафоре «восхождение к вершине». В этой метафоре «путь» и «вершина» очень емкие: ведь разнообразие этнокультурных традиций можно рассматривать как многообразие направлений такого пути, многообразие, стремящееся к единой вершине – человечности, на которой только и возможно понимание и себя, и Другого. И осилит такую дорогу идущий. Самопонимание этнокультурной принадлежности в данном контексте предполагает восхождение к горизонту человеческого в формах этничности. И эти формы при всей их конкретной определенности предполагают открытость осмысления человеческого в человеке. Ведь всякая остановка на этом пути таит в себе опасность барьеров, за которыми этнокультурная инаковость отграничивает и ограничивает человека от других людей и от собственно человеческого внутри собственного Я, которое теряет собственную субъектную позицию и растворяется в безликом «мы» этнокультурного предиката. Вот такие границы как раз и порождают

лабиринт непонимания, в котором этничность оборачивается монстром Минотавром: человеком, променявшим свою голову на морду быка, личностное самосознание на стадный рефлекс. Такой монстр и питается человечинной, причём человечинной как других людей, попадающих на его пути, так и самого себя, человека-носителя собственного монстра-этнопредиката.

Таким образом, бытийное вопрошание, запускающее процедуры понимания человеком своей национальной принадлежности, раскрывает в этнокультурной предикате ту грань, которая соединяет в себе человека и человечность. На этой грани целостность народного «мы», к которому принадлежит «я» человека, обретает открытый апофатический характер, требующий от человека личностного доопределения традиционных смыслов и ценностей, самосовершенствования и духовного роста. Остановка на этом пути, сворачивание открытости бытийного вопрошания в уютный кокон привычности готовых ответов превращает этническую идентичность в личностную ограниченность, ведёт к потере собственного «Я», его рассубъективации в этнически окрашенных формах коллективной невменяемости, питающей идеологию шовинизма и ксенофобии.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 16-12-23020 а(р) «Этническая культура как пространство становления личности в контексте глобализации (на примере исследования самопонимания этнокультурной идентичности молодежью Кубани, Адыгеи и Абхазии)».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аполлонов И.А., Карнаушенко Л.В., Тучина О.Р. Этнокультурные нормы и ценности в формировании самопонимания молодежи. Краснодар: Изд-во КрУ МВД РФ, 2009. – 285 с.

2. Беляев И.А. «Целостность человека» и «цельность человека»: соотношение понятий // Вестник ОГУ 2014, № 2 (163). С. 204 – 211.

3. Карпов Ю.Ю. Личность и традиционные социальные институты: принципы взаимодействия. // Северный Кавказ: человек в системе <http://ntk.kubstu.ru/file/1313>

социокультурных связей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 107 – 167.

4. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 2003. – 487 с.

5. Максимов А.М., Беляев И.А. О нравственной многомерности свободы // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 2. С. 95-100.

6. Стёпин В.С. Философский анализ универсалий культуры // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011, № 1. С. 8 – 15.

7. Флоренский П.А. Христианство и культура. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 672 с.

8. Швецова А.В. К проблеме аналитики национального характера как феномена культуры.// Ученые записки Таврического национального университета. Выпуск 11 (50), 1999. – с. 96 – 100.

REFERENCES

1. Apollonov I.A., Karnaushenko L.V., Tuchina O.R. Etnokulturnye normy i tsennosti v formirovaniy samoponimniya molodezhi. Krasnodar: Izd-vo KrU MVD RF, 2009. – 285 s.

2. Belyaev I.A. «Tselostnost cheloveka» i «tselnost cheloveka»: sootnoshenie ponyatiy // Vestnik OGU 2014, № 2 (163). S. 204 – 211.

3. Karpov Yu.Yu. Lichnost i traditsionnye sotsialnye instituty: printsipy vzaimodeystviya. // Severnyy Kavkaz: chelovek v sisteme sotsiokulturnykh svyazey. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. S. 107 – 167.

4. Leontev D. A. Psikhologiya smysla. M.: Smysl, 2003. – 487 s.

5. Maksimov A.M., Belyaev I.A. O npravstvennoy mnogomernosti svobody // Intellekt. Innovatsii. Investitsii. 2015. № 2. S. 95-100.

6. Stepin V.S. Filosofskiy analiz universalii kultury // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2011, № 1. S. 8 – 15.

7. Florenskiy P.A. Khristianstvo i kultura. M.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 672 s.

8. Shvetsova A.V. K probleme analitiki natsionalnogo kharaktera kak fenomena kultury.// Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta. Vypusk 11 (50), 1999. – s. 96 – 100.

*EXISTENTIAL QUESTIONING AS A METHOD OF SELF-UNDERSTANDING
ETHNOCULTURAL IDENTITY*

I.A. APOLLONOV

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350002,
e-mail: oblige@yandex.ru*

The article discusses the problem of human understanding of their ethno-cultural background. The purpose of this article is to examine the general structure and peculiarities of the semantic vectors such self-understanding in the context of existential questioning: "what it means to me to be representative of this nationality?". The study was conducted in line with the existential-hermeneutic methodology. The study identified the main semantic levels of ethnic and cultural identity. The surface layer of meaningfulness are stereotypes about the representatives of the people. A deeper level is the categorical structure of ethnic identity, which are based on intuitive notions of the normality of the life-world and its cultural patterns. The higher semantic level of ethnocultural identity is a tense search of the valuable bases of personal being. The output of this level is associated with the existential questioning that requires human hiping traditional meanings and values, self-improvement and spiritual growth. This study allows to conclude that self-understanding reveals the ontological basis of identity: the ethnic characteristics of culture opens the horizon of human values in space of which are individually acquired-the human essence of the individual.

Key words: ethno-cultural identity; self-understanding; existential questioning; categorical level of national consciousness; apophatic holism.